

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.14

Правильная ссылка на статью:

Колпина Л. В. Гражданская активность населения старшего поколения на местном уровне // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 293—308. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.14>.

For citation:

Kolpina L. V. (2018) Civic engagement of older populations at the local level. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 293—308. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.14>.

Л. В. Колпина

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

CIVIC ENGAGEMENT OF OLDER POPULATIONS AT THE LOCAL LEVEL

КОЛПИНА Лола Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.
E-MAIL: kolpina@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0002-2441-4940

Lola V. KOLPINA¹ — Cand. Sci. (Sociol.), Associated Professor
E-MAIL: kolpina@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0002-2441-4940

Аннотация. На основе данных анкетного опроса, осуществленного в 2017 г. в Белгородской области, анализируется гражданская активность на местном уровне среди представителей старшего поколения — населения в возрасте 60 лет и старше. Определение общих

Abstract. The study is based on the data of a questionnaire survey conducted in 2017 in Belgorod oblast and explores the civic activity of older populations (persons aged 60 and over) at the local level. A comparative analysis involving a group of the 40—59-year-old persons is

¹ Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

и специфических черт такой активности достигается путем ее сравнительного анализа с группой 40—59 лет по следующим параметрам: участие в выборах, в работе органов местного и территориального общественного самоуправления, а также домкома, уличкома, в делах своего дома, двора, улицы. Доказывается, что единственная массовая форма гражданской активности на местном уровне — участие в голосовании на выборах в органы местного самоуправления. Показатели других форм гражданского активизма свидетельствуют скорее о его отсутствии, что является не спецификой данной возрастной группы, а общей характеристикой населения. Между тем, в сравнении с более молодыми группами, в пожилом и старческом возрасте значимость гражданского участия увеличивается, а его некоторое снижение в группе старческого возраста сопряжено с ухудшением здоровья. В статье эмпирически обосновывается связь между ростом гражданской активности и увеличением роли отношений добрососедства у представителей старшего поколения. Показано, что среди детерминант гражданской активности старшего поколения наибольшим влиянием обладает гендерная, в меньшей степени — территориальная, а ее связь с уровнем материального достатка не выявлена. В заключение среди прочих делается вывод, что готовность представителей группы старческого возраста к такой активности, ограниченная возможностью их мобильности, выступает в качестве одного из потенциалов развития местного сообщества и их социальной инклюзии, который может быть актуализирован с помощью ассистивных и ИТ-технологий.

Ключевые слова: гражданская активность, граждане старшего поколения,

used to define general and specific features of civic engagement. The following parameters are taken into consideration: participation in elections, involvement in the activities of local and territorial self-government, and participation in the life of the community (activities of the house committee, street committee, etc.).

The author argues that the only popular form of civic engagement at the local level is participation in the local government elections. Indicators of other forms of civic engagement highlight its absence which is not a specific feature of the given age group but a general characteristic of the population. Meanwhile, the importance of civic engagement in presenile and senile ages is higher, and its decline in senile age is related to poor health.

Based on the evidence, the article shows that the increase in civic engagement correlates with the increased role of good-neighborly relations in old age. Of all civic engagement determinants of senior generation, the most important one is gender determinant, the least important is territorial determinant, and its relation to the income level is not detected. The author concludes that the civic engagement readiness in senile age, which is limited due to the low mobility of elderly persons, has the potential for the development of the local community and social inclusion; this potential can be actualized using assistive and IT technologies.

Keywords: civil activity, older generation citizens, health, local government, neigh-

здоровье, местное самоуправление, отношения добрососедства, муниципальное образование, гендер, материальный достаток, детерминанты

borly relations, municipal unit, gender, material prosperity, determinants

Благодарность. Статья выполнена в рамках проекта РФФИ № 16-03-00203-ОГН «Потенциал местного сообщества в формировании социального здоровья населения старших возрастных групп».

Acknowledgment. The article is part of the RFBR project no. 16-03-00203-OGN «The potential of the local community in the formation of social health of older populations».

Значимость гражданского активизма как социальной практики, ориентированной на решение общих проблем через ресурс самоорганизации и самоуправления, а также участия в политическом управлении (например, через выборы в органы власти) не нуждается в доказательстве. В отношении представителей старшего поколения вопросы гражданского участия имеют дополнительную актуальность хотя бы в силу необходимости актуализации их социального потенциала для защиты собственных групповых интересов, о чем свидетельствуют, например, данные ВЦИОМ, согласно которым в 2017 г. абсолютное большинство (в сумме 76 %) опрошенных согласилось с тем, что в российском обществе старым людям уделяется скорее и безусловно недостаточно внимания (47 % и 29 % соответственно), а 57 % убеждены, что их права скорее не соблюдаются (33 % придерживаются обратного мнения)¹.

В Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г. обосновывается необходимость активного вовлечения населения старших возрастных групп в жизнь общества и эффективного использования их потенциала:

1. наличием у них соответствующих знаний и богатого опыта;
2. демографическими сдвигами в российском обществе, требующими актуализации их потенциала как одного из механизмов снижения социально-экономической нагрузки с работающего населения и общественной стабилизации;
3. специфической социальной ролью людей старших возрастов, в соответствии с которой они выступают хранителями важнейших духовно-нравственных ценностей, обеспечивают связь и солидарность поколений;
4. влиянием участия в общественной работе на качество жизни представителей старшей возрастной группы, которая положительно сказывается на их физическом и душевном здоровье, функциональной активности, удовлетворенности жизнью, ее продолжительности².

¹ «Срок дожития» и другие перлы, или о старости в России [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3485. 06.01.2017. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116443> (дата обращения. 07.04.2018).

² Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: утверждена распоряжением Правительства РФ 5.02.2016. № 164-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://szn.ivanovoobl.ru/wp-content/uploads/sites/5/2017/09/Strategiya-dejstvij-v-interesah-pozhilyh.pdf> (дата обращения: 21.01.2018).

Следует отметить, что представители старшего поколения — аутсайдеры среди других возрастных групп по вовлеченности в социально ориентированные практики. По данным Фонда «Общественное мнение», не вовлечены в них 45 % населения в возрасте 60 лет и старше, в других же возрастных группах — от 8 до 31 %³.

Значительный потенциал в решении данной проблемы заложен на местном уровне. В частности, судя по данным ФОМ, единственная форма гражданских инициатив, значение активности которой в группе 60 лет и старше соотносится с аналогичными в других возрастных группах, — участие в решении проблем по месту жительства, а по другим формам оно значительно ниже⁴.

Местное самоуправление как институт общественной самоорганизации имеет особую значимость для граждан старшего поколения по причине его локальности, территориальной доступности, что становится особенно важным в условиях снижения мобильности, автономности личности в позднем онтогенезе. В силу этого оказывается возможна реализация широкого спектра социальных практик, обеспечивающих не только повседневное общение, взаимопомощь, поддержку, самореализацию, но и адаптацию среды к собственным и групповым нуждам и потребностям посредством объединения усилий в решении общих проблем, участия в управлении местным сообществом.

В документах Всемирной организации здравоохранения подчеркивается, что к числу значимых потребностей граждан старших возрастов относится их стремление иметь право и возможность выражать свое мнение и ощущать свою принадлежность к местному сообществу⁵.

Следует отметить, что в западном научном дискурсе вопросам гражданской активности старшего поколения на протяжении многих лет уделяется значительное внимание [Новиков, Быканова, 2017: 160—165; Anderson, Dabelko-Schoeny, 2010; Dabelko-Schoeny, Anderson, Spinks, 2010; Kruse, Schmitt, 2015; Principi et al., 2012]. В отечественной же науке данная проблема представлена минимально и сравнительно недавно, что неудивительно. Вероятно, первым официальным документом национального значения, в котором декларируется общественная значимость знаний и опыта граждан старшего поколения и ставится задача актуализации их социального потенциала, стала отмеченная выше Стратегия, принятая в 2016 г.

Анализ массива научных публикаций, размещенных на электронных платформах Google Академия и Elibrary.ru, позволил обнаружить, начиная с 2009 г. (даты первой публикации по этой теме), менее десятка таких статей (в отличие от молодежной тематики), причем в основном теоретического характера [см., напр.: Щанина, 2009; Румянцева, 2009, Максимов, 2016], и только одну — с результатами эмпирического исследования [Потехина, Чижов, 2016]. Значительно

³ Акторы добровольчества [Электронный ресурс] // ФОМ. 14.08.2014. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11663> (дата обращения: 07.04.2018).

⁴ О гражданской и политической активности россиян: телефонный опрос [Электронный ресурс] // ФОМ. 26.06.2014. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11712> (дата обращения: 08.04.2018).

⁵ Европейский план действий по укреплению потенциала и услуг общественного здравоохранения [Электронный ресурс] // Отчет 62 сессии Европейского регионального комитета ВОЗ. 2012. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0008/171773/RC62wd12rev1-Rus-updated.pdf?ua=1 (дата обращения: 21.01.2018).

больше информации — по организации досуга старшего поколения. Некоторые эмпирические данные по этой теме можно найти на сайтах ведущих российских служб изучения общественного мнения: ВЦИОМ, «Левада-Центр», ФОМ.

Цель и методы исследования

С целью восполнения дефицита работ по этой теме в данной статье предпринимается попытка охарактеризовать некоторые аспекты гражданского активизма старшего поколения граждан на местном уровне.

Эмпирической базой для данной статьи выступили результаты исследования, реализованного в январе-мае 2017 г. в Белгородской области и включившего в себя два анкетных опроса: населения 60 лет и старше ($N=500$ человек; стат. погрешность 5,5 %) и 40—59 лет (контрольная группа, $N=200$ человек; стат. погрешность 8,0 %). Квотирование осуществлялось по территориальному, возрастному и гендерному признакам. По территориальному признаку было выделено три типа муниципальных образований: городские округа, муниципальные образования с преобладанием городского, а также сельского населения. В муниципальных образованиях с преобладанием городского населения опрашивались жители малых городов (с населением менее 50 тыс. чел) и поселков городского типа (пгт); с преобладанием сельского населения — жители сёл, в городских округах — крупных и средних городов (с населением около 100 тыс. человек и более). По возрастному признаку в основной группе выделялись категории: 60—69, 70—79, 80 лет и старше, в контрольной — 40—49 и 50—59 лет.

Для сравнения разнородных данных рассчитывались индексы. Для вопросов с четырьмя степенями градации исследуемого признака (например, варианты ответа: *да, скорее да, чем нет, скорее нет, чем да, нет*) индекс рассчитывался как сумма в разной степени положительных и отрицательных ответов; с тремя степенями градации (напр.: *регулярно, иногда, никогда*) использовалась следующая формула: n «регулярно» + $\frac{1}{2}n$ «иногда» – n «никогда», где n — значение соответствующего варианта ответа.

Обсуждение результатов исследования

Гражданская активность старшего поколения на местном уровне

В качестве практик гражданского активизма рассматривалось участие в выборах органов МСУ, в работе органов местного и территориального общественного самоуправления, а также домкома, уличкома, в делах подъезда, дома, двора.

Анализ полученных данных показал, что среди исследуемых практик гражданского активизма на местном уровне массовой можно назвать только участие в выборах органов МСУ. Причем население в возрасте 60 лет и старше проявляет в этом активность даже большую, чем люди 40—59 лет. Так, о регулярном участии в выборах органов власти этого уровня сообщили 74,2 % опрошенных из их числа (что в целом согласуется с общероссийской статистикой по участию граждан третьего возраста в выборах всех уровней [Потехина, Чижов, 2016: 17]), тогда как 40—59 лет — 65 %, а значения индекса участия в выборах органов МСУ в этих группах составляет 76 и 66 соответственно.

Степень участия в других практиках общественной самоорганизации и самоуправления на местном уровне, как и готовности к их реализации, среди граждан старших возрастов невысока и по большому счету соотносится с аналогичной в других возрастных группах, отражая актуальную социокультурную ситуацию в этой сфере жизнедеятельности.

В работе органов местного и/или территориального общественного самоуправления (МСУ и ТОС) регулярно участвует незначительная доля граждан обеих возрастных групп (до 13%), а соответствующий индекс имеет резко отрицательные значения как среди 40—59 летних опрошенных (–33,7), так и 60 лет и старше (–33,2). Однако по данному параметру можно заметить некоторую положительную динамику от группы 40—49 к 60—74 годам с последующим резким снижением значений данного индекса к группе 75 лет и старше (см. табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Участвуете ли Вы в работе органов местного или территориального общественного самоуправления?»

Возраст, лет	Регулярно, %	Иногда, %	Нет, %	Затрудняюсь ответить, %	Нет ответа, %	Индекс
40—49	14,0	21,3	60,0	4,0	0,7	–35,1
50—59	10,3	27,1	55,1	5,6	1,9	–31,3
В среднем	12,5	23,7	58,0	4,7	1,2	–33,7
60—74	13,7	19,5	53,9	4,2	8,7	–30,5
75 и старше	10,7	16,0	58,0	6,9	8,4	–39,3
В среднем	12,9	18,6	55,0	4,9	8,6	–32,8

Похожая тенденция прослеживается и по параметру участия в работе домкома, улочкома, в делах своего подъезда, дома, двора. В долях ответов на вопрос относительно регулярности такого участия разница между старшей возрастной группой и 40—59 лет более существенна, чем в предыдущем случае, и достигается она за счет респондентов пожилого возраста (60—74 года), 22,1% из числа которых сообщили о регулярности такого участия. В группе же старческого возраста (75 лет и старше) доля ответов о регулярном участии в работе домкома, улочкома, в делах своего подъезда, дома, двора сопоставима с возрастной группой 50—59 лет (16,0% и 16,8% соответственно), но даже выше, чем у 40—49 летних опрошенных (10,7%).

Наиболее отчетливо изменение возрастной динамики по параметру активности участия в работе домкома, улочкома, в делах своего подъезда, дома, двора иллюстрируют значения соответствующего индекса, которые у представителей пожилого и старческого возраста составили (–)19,4 и (–)34,5 соответственно против (–)49,0 и (–)38,8 в группах 40—49 и 50—59 лет. (см. табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Принимаете ли Вы участие в работе домкома, уличкома, в делах своего подъезда, дома, двора?»

Возраст, лет	Регулярно, %	Иногда, %	Никогда, %	Затрудняюсь ответить, %	Нет ответа, %	Индекс
40—49	10,7	12,7	66,0	9,3	1,3	–49,0
50—59	16,8	12,1	61,7	5,6	3,7	–38,9
60—74	22,1	12,9	47,9	7,6	9,5	–19,4
75 и старше	16,0	11,5	55,7	6,9	9,9	–34,5

Факторы гражданской активности на местном уровне

Можно утверждать, что на уровне локальных сообществ значимость практик гражданского участия к пожилому возрасту увеличивается. В качестве причины этого можно назвать патриотически-коллективистское сознание старшего поколения [Румянцева, Титова, 2010: 101], а также отмеченный выше фактор локальности местных сообществ, обуславливающий физическую возможность участия в их жизнедеятельности этой возрастной группы в условиях снижения мобильности существенной ее части.

Ограниченная мобильность выступает фактором снижения такой активности в группе старческого возраста (от 75 лет), характеризующейся резким ухудшением здоровья и, соответственно, функциональных способностей. В ней, в сравнении с группой пожилых (60—74 года), отмечается троекратное увеличение доли ответов о плохом здоровье⁶.

Наличие связи между уровнем здоровья и социальной активности очевидно, однако приведу некоторые результаты анализа таблиц сопряженности. Среди опрошенных старшей возрастной группы, охарактеризовавших свое здоровье как отличное, очень хорошее и хорошее, преобладают ответы о *регулярном* участии в работе домкома, уличкома, в делах своего подъезда, дома, двора, улицы: около 50% (против 33,4%, сообщивших о неучастии), а среди тех, кто оценил свое здоровье как посредственное и плохое, преобладают ответы «иногда» (68,8%) и «никогда» (64,7%). Среди характеризующих свое здоровье как отличное, очень хорошее и хорошее большинство опрошенных (в сумме 63,7%) регулярно участвуют в работе органов МСУ, ТОС, а как посредственное и плохое — менее трети (31,8%).

В сравнении с участием в общественной работе по месту жительства участие в выборах в органы МСУ практически не зависит от состояния здоровья. Однозначная тенденция снижения частоты участия в выборах характеризует только тех, кто оценивают свое здоровье как плохое, что вполне объяснимо, поскольку данная форма гражданского активизма менее других связана с возможностями мобильности человека и может осуществляться даже на дому. Однако

⁶ Был задан вопрос «Оцените свое состояние здоровья» с вариантами ответа: отличное, хорошее, очень хорошее, посредственное, плохое.

эти же данные позволяют прогнозировать, что при обеспечении условий для такой активности лиц старших возрастных групп (прежде всего за счет ассистивных технологий, развития соответствующих информационно-коммуникационных технологий, например, программного продукта «Электронная община» [Харченко, 2014] и возможностей их использования этой возрастной группой) она бы существенно возросла.

Учитывая социокультурный характер невысокой гражданской активности старшего поколения, но наличие у него ориентации именно на такую форму участия, полезным может быть западный опыт «коммунальной социальной работы», «когда социальный работник выступает в роли организатора, вдохновителя и менеджера такого местного, соседского сообщества, стимулирует общественную самоорганизацию. Причем ресурсом развития сообществ выступают именно пожилые люди, обладающие квалификацией, жизненным опытом и, самое главное, временем для такой ресоциализации и нового социального включения» [Григорьева, 2005: 133].

Итак, полученные данные показывают повышение гражданского активизма на местном уровне в группе пожилого возраста (60—74 года), снижение которого в группе старческого возраста (75 и старше) связано в основном с ухудшением здоровья ее представителей.

Добрососедство и практики гражданского активизма

Повышение интереса к участию в процессах самоорганизации на местном уровне, общественной работе по месту жительства среди граждан 60 лет и старше можно объяснить увеличением в их жизни роли добрососедства, которое, по мнению ряда исследователей, выступает важным условием такой активности⁷.

Об активизации отношений добрососедства в старшей возрастной группе свидетельствует, в частности то, что соседи входят в постоянный круг общения 42,3% опрошенных этого возраста и 35,4% — 40—59 лет; индекс востребованности в отношениях с соседями, рассчитанный на основе ответов на вопрос «Можете ли Вы сказать, что Ваши соседи стремятся общаться с Вами, делятся новостями, обращаются за советами и поддержкой?», у них также выше (19,6), чем в группе 40—59 лет (5,8).

Превалирование значений индекса востребованности в старшей возрастной группе над группой 40—50 лет отмечается только в отношениях с соседями, тогда как в других типах отношений они в основном проигрывают опрошенным 40—59 лет, а это означает, что данная особенность специфична именно для старших возрастов.

Ответы на закрытый вопрос о том, как опрошенные охарактеризовали бы свои отношения с соседями, показали, что в группе старше 60 лет чаще эти отношения оцениваются как искренние, доброжелательные (42,5% против 34,6% в группе 40—59 лет), а в группе 40—59 лет — как формально-вежливые (44,7% против 33,9% в группе 60 лет и старше), что отражает большую степень социально-психологической близости старшей возрастной группы с соседями.

⁷ См., например: Санжиев Д. Местное самоуправление начинается с добрососедских отношений // Экономика и жизнь. 2017. № 37 (9703). URL: <https://www.eg-online.ru/article/355097/> (дата обращения: 24.07.2018).

Отметим, что исследование 2012 г. (Белгородская область, N=1000) показало аналогичный тренд: от группы 30—39 лет к 60 и старше доля ответов, характеризующих эти отношения как искренние и доброжелательные, возрастает с 32,9% до 45,5% [Колпина, Вангородская, Реутов, 2013: 63].

Другой анкетный опрос в Белгородской области, проведенный в 2012 г. (N=962), выявил более высокий уровень доверия к соседям у опрошенных старшей возрастной группы: соответствующий индекс у них составил 42,9, а в группах от 18 до 59 лет варьировал в диапазоне 22,0—35,2. Аналогичная тенденция прослеживается в отношении большинства жителей своего дома, своего и соседнего двора (для поселка и села — улицы). Сообщили, что в полной мере и отчасти доверяют им в сумме 62,9% опрошенных старше 60 лет и 48,6—53,3% — других возрастных групп [«Культура недоверия»..., 2013: 72, 85]. Более высокий уровень доверия жителям дома, своего и соседнего дворов в группе 60 лет и старше, чем в других возрастных группах, выявило региональное исследование и 2010 г. [Реутов, Колпина, 2010: 45].

Приведенные данные доказывают устойчивость во времени тенденции к активизации отношений добрососедства в старшей возрастной группе. Но действительно ли ориентация на отношения добрососедства обуславливает большую предрасположенность лиц старших возрастных групп к гражданскому активизму на местном уровне? Анализ сопряженности данных между отношениями с соседями у граждан 60 лет и старше и их практиками общественного участия на местном уровне доказывает справедливость этого тезиса.

Например, более половины опрошенных в возрасте 60 лет и старше, охарактеризовавших отношения с соседями как искренние, доброжелательные, сообщили о *регулярном* участии в работе домкома, уличкома, в делах своего подъезда, дома, двора, улицы, а среди тех, кто сообщил о формально-вежливых отношениях с ними, доля *регулярно* участвующих в ней в два раза меньше.

Более наглядно предрасположенность к гражданской активности по месту жительства у населения старших возрастов, ориентированной на отношения добрососедства, иллюстрирует индекс участия в работе домкома, уличкома, в делах своего подъезда, дома, двора, улицы. По большому счету гражданскую активность по месту жительства проявляют только люди с искренними, доброжелательными отношениями с соседями. Индекс такой активности у них имеет принципиально более высокое значение, чем у иначе характеризующих эти отношения, и составляет 40,9. А у определяющих их как формально-вежливые — 8,9, сдержанно-безразличные — 2,8. Значения других ответов (о настороженном и негативном отношении) меньше значения стат. погрешности, а потому не анализируются.

Сумма в той или иной мере положительных ответов о том, что соседи стремятся общаться, делятся новостями и пр., уменьшается по мере снижения активности участия опрошенных в общественной работе по месту жительства, а отрицательных — увеличивается. Те, кто в полной мере и отчасти соглашается с тем, что соседи стремятся общаться с ними, делятся новостями, обращаются за советами и поддержкой, чаще заявляют о регулярном участии в работе домкома, уличкома, в делах своего подъезда, дома, двора, улицы (44,8% и 27,6% соответственно), чем те, кто скорее и однозначно не согласен с этим (13,3% и 9,5% соответственно).

Если предрасположенность к участию в работе домкома, уличкома, в делах своего подъезда, дома, двора, улицы у группы населения старших возрастов с развитыми практиками добрососедства легко объяснима — налаженностью этих отношений, общностью проблем, уверенностью во взаимопонимании и поддержке по этому поводу, то причины, объясняющие выявленную в процессе исследования большую предрасположенность у этой группы к участию в выборах, не так очевидна.

Наиболее высокое значение индекса участия в выборах в органы МСУ выявлено в группе тех, кто характеризует свои отношения с соседями как искренние, доброжелательные (40,9), ниже — для кого они формально-вежливые (25,1). Индекс участия в выборах органов МСУ у тех, кто характеризует отношения с соседями как сдержанные, безразличные, имеет отрицательное значение (-4,5).

Среди тех, кто *регулярно* участвует в выборах органов МСУ, почти 2/3 опрошенных в полной мере или отчасти соглашаются с тем, что их соседи стремятся общаться с ними, делятся новостями, обращаются за советами и поддержкой, около 1/3 полностью и отчасти не согласны с этим. Более наглядно это видно по значению индекса востребованности в отношениях с соседями: в группе регулярно участвующих в выборах оно составляет 27,4, иногда участвующих — 3,5, а никогда не участвующих — имеет отрицательное значение (-9,1).

Существующие исследования не позволяют ответить на вопрос о причинах, по которым население старших возрастных групп, характеризующееся лучшими отношениями с соседями, активнее участвует в выборах. Можно предположить, что у них более развиты идентификация с местным сообществом, ощущение ответственности за процессы, происходящие в нем, или же выше уровень доверия муниципальным органам власти. Но все эти гипотезы нуждаются в проверке.

Детерминанты гражданского активизма населения старших возрастных групп на местном уровне

Теперь остановимся на вопросах детерминации — территориальной, гендерной и экономической — практик гражданского активизма на местном уровне среди населения старших возрастных групп.

Анализ территориальной детерминанты осуществлялся по трем типам поселений: крупные и средние города, малые города / пгт, сельские поселения. Сравнительный анализ не позволил выявить однозначной закономерности, характеризующей гражданский активизм населения старших возрастных групп по типам поселения. Лидеры и аутсайдеры по значениям активности в различных формах гражданского участия постоянно меняются. Так, более высокие значения участия в голосовании на выборах в органы МСУ регистрируются в сельских поселениях (индекс участия 79,2) и крупных и средних городах (индекс участия 77,3), а в малых городах и пгт он самый низкий (69,95). Однако именно население малых городов и пгт показывает более высокую активность участия в работе органов местного или территориального общественного самоуправления. Значение этого индекса участия у них составляет (-)15,8, тогда как в сельских поселениях (-)34,4, а в крупных и средних городах — (-)40,4.

Активнее других участвуют в работе домкома, уличкома, в делах своего подъезда, дома, двора, улицы сельские жители. У них значение индекса участия со-

ставляет (-)18,9, тогда как в малых городах / пгт (-)23,5, в крупных / средних городах (-)25,4.

Полученные данные позволяют говорить лишь о возможном тренде — более высокой гражданской активности старшего поколения сельских жителей, поскольку они чаще других по двум позициям из трех показали наиболее высокие результаты (по участию в голосовании в органы МСУ и в работе домкома, уличкома, делах своего дома, подъезда, улицы), при этом ни разу не были аутсайдерами.

В крупных и средних городах, а также малых городах и пгт, ситуация с ответами, характеризующими участие в МОС, ТОС, прочей социально значимой активности по месту жительства, примерно аналогичная, с незначительным лидерством малых городов / пгт. Так, старшее поколение крупных и средних городов показывает принципиально более низкие значения активности по одному из трех показателей (участие в работе органов МСУ, ТОС), а по двум другим — средние. Жители же малых городов / пгт, как и крупных / средних городов, по одному показателю (участие в работе домкома, уличкома, делах своего дома, подъезда, улицы) имеют принципиально более низкие значения, но по одному (участие в работе органов МСУ, ТОС) — лидируют.

В качестве объяснения более высокой активности старшего поколения сельских жителей и более низкой — крупных и средних городов может служить более выраженная у первых ориентация на отношения добрососедства и наименьшая — у вторых. Так, сельские жители несколько чаще характеризуют отношения с соседями как искренние, доброжелательные (45,3 % против 40,7 % в среднем по другим типам муниципальных образований). Они же чаще сообщают, что соседи стремятся общаться с ними, делятся новостями, обращаются за советами и поддержкой: в полной мере и скорее согласны, чем не согласны с этим утверждением в сумме 60,8 % из их числа, тогда как в малых городах и пгт — 57 % опрошенных, в крупных и средних городах — 50,8 %. Население же старших возрастных групп крупных и средних городов выглядит более автономным, свидетельством чего может служить, например, то, что в случае возникновения проблем они чаще других рассчитывают только на самих себя (39,2 % из их числа, а в среднем по выборке — 31,7 %).

Гендерная детерминация гражданского активизма населения старших возрастов выглядит однозначной: женщины лидируют по всем его показателям. Так, значение индекса участия в голосовании на выборах в органы МСУ у них составило 80,3 против 74,7 у мужчин, в работе органов местного и территориального общественного самоуправления — (-)24,7 и (-)40,9 соответственно, в работе домкома, уличкома, в делах своего подъезда, дома — (-)17,7 и (-)35,4 соответственно.

Большая социальная активность женщин пожилого возраста фиксируется и другими исследованиями (см., например: [Потехина, Чижов, 2016: 17]. Если судить по другим исследованиям, то, скорее всего, такие гендерные различия являются возрастной спецификой, поскольку в других возрастных группах (правда, по несколько иным практикам), они не прослеживаются. Например, по данным ВЦИОМ, готовность к участию в деятельности общественной организации / участие в ней показывают 24 % мужчин и 23 % женщин, правозащитной организации — 6 % и 7 %

соответственно, религиозной — 3 % и 4 %⁸. Тем не менее, причины более высокой гражданской активности женщин старшего поколения нуждаются в дополнительных исследованиях.

Экономическая детерминация гражданской активности населения старших возрастов на местном уровне определялась на основе самооценок респондентов относительно уровня своего материального достатка по следующим критериям: 1) «могу ни в чем себе не отказывать»; 2) «не могу купить квартиру, машину, но в остальном нужды не испытываю»; 3) «денег хватает на продукты и одежду, иногда — на покупку бытовой техники»; 4) «денег хватает на продукты, иногда — на покупку одежды», 5) «приходится экономить абсолютно на всем». В соответствии с этим выделялись пять групп, где наиболее материально благополучны представители первой группы, а наименее — пятой. Результаты сравнительного анализа не позволили выделить тенденцию, отражающую зависимость между степенью гражданского активизма на местном уровне и субъективными оценками материального достатка.

Так, значения индекса участия в выборах во всех группах оказались в основном соизмеримыми между собой, но несколько более высокие характеризуют третью и пятую группы (соответственно, 77,9 и 78,8), а низкие — первую и четвертую (соответственно 73,6 и 72). Линейная зависимость отсутствует также между изменением уровня материального достатка и активностью участия в работе органов местного и территориального общественного самоуправления. Но обращает на себя внимание то, что самое высокое значение индекса такого участия характеризует наиболее материально обеспеченную группу (–17), а самое низкое — наименее (–48,2).

Что же касается активности участия в работе домкома, уличкома, в делах своего подъезда, дома, двора, то, судя по соответствующему индексу, более других ее проявляют представители четвертой, предпоследней из пяти групп, выделенных по принципу материального достатка (–)18,8, тогда как в среднем по всем группам оно составляет (–)24,7. Самые пассивные в этой форме гражданского участия представители первой — наиболее материально обеспеченной группы, значение соответствующего индекса в которой составляет (–)31,5. Таким образом, устойчивых закономерностей между уровнем материального достатка и степенью гражданской активности людей старшего поколения на местном уровне не выявлено, что позволяет судить о том, что материальный достаток не влияет на ценность общественного участия старшего поколения, как и его доступность для него на местном уровне.

Заключение

Результаты исследования позволяют утверждать, что единственная массовая форма гражданского участия населения старших возрастных групп на местном уровне — это выборы в органы местного самоуправления. В отношении других практик гражданского активизма, таких как участие в работе органов местного

⁸ ВЦИОМ — Спутник — ежедневный всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 26.11.2017. URL: https://wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=61&q_id=3529&date=26.11.2017 (дата обращения: 08.04.2018).

и общественного территориального самоуправления, домкома, уличкома, в делах своего подъезда, дома, двора, следует говорить скорее об их отсутствии, что проявляется в однозначном превалировании ответов о неучастии в них. Указанные характеристики гражданского активизма не являются спецификой старшей возрастной группы, а отражают общую ситуацию в сфере местного и территориального общественного самоуправления, активности по месту жительства.

Для старшей возрастной группы характерна высокая значимость практик гражданского участия на уровне локальных сообществ, особенно для людей пожилого возраста (60—74 года). Со временем гражданское участие становится слабее (в группе 75 лет и старше), что связано в большой мере с существенным ухудшением здоровья в этот период. Но даже несмотря на это значения активности участия в работе домкома, уличкома, в делах своего подъезда, дома, двора в группе старческого возраста выше, чем в группе 40—59 лет. Менее всего, по понятным причинам, ухудшение здоровья сказывается на участии в голосовании на выборах в органы МСУ.

Повышение интереса к участию в общественной работе по месту жительства среди граждан 60 лет и старше объясняется увеличением роли добрососедства: в сравнении с другими возрастными группами они чаще характеризуют эти отношения как искренние и доброжелательные, чувствуют себя в них востребованными, больше доверяют соседям, а также жителям своего дома, двора, улицы, тогда как в отношении других участников сетей общения и поддержки, в отличие от населения других возрастов, отмечается обратная тенденция. Население старших возрастов, характеризующееся меньшей психологической дистанцией и более высокими самооценками востребованности в отношениях с соседями, чаще участвует в голосовании на выборах в органы местного самоуправления, в работе домкома, уличкома, в делах своего подъезда, дома, двора, улицы. Негативные прогностические маркеры относительно гражданского активизма на местном уровне среди населения старших возрастов — сдержанные, безразличные отношения с соседями, а позитивные маркеры — искренние, доброжелательные отношения.

Степень гражданской активности лиц старшего поколения практически не связана с уровнем их материального достатка, но можно предполагать некоторую ее территориальную обусловленность. Несколько более высокой степенью сформированности культуры участия в процессах на местном уровне характеризуются сельские жители (которые также отличаются большей ориентацией на отношения добрососедства), низкой — крупных и средних городов, что отчасти можно объяснить меньшей зависимостью последних от внешней поддержки.

Наиболее однозначна гендерная детерминация гражданского активизма: женщины старшей возрастной группы устойчиво более активны по всем исследуемым параметрам.

Исследование показывает, что:

- стимулирование гражданской активности на местном уровне целесообразно начинать с развития отношений добрососедства;
- к такой работе следует активнее привлекать само старшее поколение;
- готовность представителей группы старческого возраста к гражданской активности следует рассматривать в качестве одного из потенциалов разви-

тия местного сообщества при обеспечения условий, компенсирующих снижение их мобильности. В связи с этим требуется интенсифицировать меры в области создания дружественной для них среды, а также по повышению их функциональных способностей путем увеличения доступности ассистивных технологий, создания соответствующих информационно-коммуникационных технологий, дающих им возможность оставаться продуктивными и независимыми даже в условиях усиления недомоганий.

В заключение следует отметить, что Белгородская область по ряду параметров сопоставима с большинством российских регионов. Социально-экономическая и демографическая ситуация в области в целом соответствуют показателям ЦФО, СЗФО и некоторых других федеральных округов, где умеренный экономический рост сочетается со стагнацией доходов; естественный рост населения сменился убылью. В массовом сознании населения региона переплетены традиционалистские и «современные» черты, о чем свидетельствует ряд социологических исследований — и это также роднит социокультурную ситуацию в области с другими регионами. Указанное обуславливает то, что результаты проведенного исследования с некоторыми поправками можно экстраполировать на большинство регионов России.

Список литературы

Григорьева И. А. Приоритеты социальной политики: пожилые люди // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 3. С. 131—145.

Grigoryeva I. A. (2005) Priorities of social policy: the elderly. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 8. No. 3. P. 131—145. (In Russ.)

Колпина Л. В., Вангородская С. А., Реутов Е. В. Барьеры формирования и функционирования социальных сетей: региональный аспект. Белгород : Белгород : НИУ БелГУ, 2013. 284 с.

Kolpina L. V., Vangorodskaya S. A., Reutov E. V. (2013) Barriers of the formation and functioning of social networks: the regional dimension. Belgorod: Belgorod; BelGu. (In Russ.)

«Культура недоверия» в региональном социуме: факторы и социальные практики / Е. В. Реутов, Л. В. Колпина, М. Н. Реутова и др. Белгород : Белгород ; НИУ БелГУ, 2013. 176 с.

«Culture of distrust» in the regional society: factors and social practices (2013) E. V. Reutov, L. V. Kolpina, M. N. Reutov etc. Belgorod: Belgorod; BelGu. (In Russ.)

Максимов С. Г. Роль органов местного самоуправления в преодолении социальной эксклюзии и обеспечении качества жизни пожилых людей // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2016. № 7 (141). С. 183—189.

Maksimov S. G. (2016) The role of local governments in overcoming of social exclusion and ensuring the quality of life of the elderly. *Bulletin of Altai State Agricultural University*. No. 7 (141). P. 183—189. (In Russ.)

Новиков К. Е., Быканова Д. А. Ценности пожилых и политические последствия глобального старения населения // Демографическое обозрение. 2017. № 3. С. 153—180. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i3.7321>.

Novikov K. E., Bykanova D. A. (2017) The values of the elderly and the political consequences of the global aging of the population. *Demographic Review*. No. 3. P. 153—180. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i3.7321>. (In Russ.)

Потехина И. П., Чижов Д. В. Потенциал старшего поколения как составляющая национального человеческого капитала (по материалам исследования в регионах ЦФО) // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 3—23. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.2.01>.

Potekhina I. P., Chizhov D. V. (2016) Potential of senior citizens as a component of national social capital (Russian central federal district case study). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 3—23. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.2.01>. (In Russ.)

Реутов Е. В., Колпина Л. В. Социальное доверие в региональном сообществе // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 3. С. 40—48.

Reutov E. V., Kolpina L. V. (2010) Social trust in the regional community. *Central Russian Journal of Social Sciences*. No. 3. P. 40—48. (In Russ.)

Румянцева Е. С. Социально-политическая активность пожилых людей в условиях трансформирующегося общества // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2009. № 4. С. 158—165.

Rumyantseva E. S. (2009) Socio-political activity of the elderly in the conditions of a transforming society. *Bulletin of the Volga Academy of Civil Service*. No. 4. P. 158—165. (In Russ.)

Румянцева Е. С., Титова Л. Г. Политическая власть как фактор решения проблем старшего поколения // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 3. С. 100—106.

Rumyantseva E. S., Titova L. G. (2010) Political power as a factor in solving the problems of the older generation. — *Central Russian Journal of Social Sciences*. No. 3. P. 100—106. (In Russ.)

Щанина Е. В. Факторы социальной активности старшего поколения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2009. № 2 (10). С. 57—67.

Shchanina E. V. (2009) Factors of social activity of the older generation. *Bulletin of the Volga Academy of Civil Service*. No 2. P. 57—67. (In Russ.)

Харченко К. В. Электронная городская община как сочетание народных традиций и современных технологий // Управление городом: теория и практика. 2014. № 1. С. 50—59.

Kharchenko K. (2014) Electronic city community as a combination of national traditions and modern technologies. *City management: theory and practice*. No. 1. P. 50—59. (In Russ.)

Anderson K. A., Dabelko-Schoeny H.I. (2010) Civic engagement for nursing home residents: A call for social work action. *Journal of Gerontological Social Work*. Vol. 53. No. 3. P. 270—282. <https://doi.org/10.1080/01634371003648323>.

Dabelko-Schoeny H., Anderson K. A., Spinks K. (2010) Civic engagement for older adults with functional limitations: Piloting an intervention for adult day health participants. *The Gerontologist*. Vol. 50. No. 5. P. 694—701. <https://doi.org/10.1093/geront/gnq019>.

Kruse A., Schmitt E. (2015) Shared responsibility and civic engagement in very old age. *Research in Human Development*. Vol. 12. No. 1—2. P. 133—148. <https://doi.org/10.1080/15427609.2015.1010353>.

Principi A., Chiatti C., Lamura G. et al. (2012) The engagement of older people in civil society organizations. *Educational Gerontology*. Vol. 38. No. 2. P. 83—106. <https://doi.org/10.1080/03601277.2010.515898>.